

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА СРЕДНЕВЕКОВОГО ЯПОНСКОГО РОМАНА
«ГЭНДЗИ-МОНОГАТАРИ»

<https://doi.org/10.5281/zenodo.8093999>

ХАБИБУЛИН Альфия
Преподаватель, ТГУВ

АННОТАЦИЯ

Эта статья посвящена «Повести о блистательном принце Гэндзи» — роману, одному из величайших произведений японской классической литературы, написанному в эпоху Хэйан. Авторство романа приписывается Мурасаки Сикибу, даме при дворе императрицы Сёси. В Трактате «Безымянные записки» (Мумёдзоси) сказано: «То, что Мурасаки Сикибу создала «Гэндзи», представляется делом удивительным, невозможным в нашем мире. Не иначе, как это чудо, сотворенное Буддой в ответ на ее молитвы». Проблема атрибуции в той или иной степени существует для каждого памятника средневековой японской литературы, что объясняет существование предположений о том, что автором «Гэндзи-моногатари» была не Мурасаки Сикибу. В данной статье будут даны основания и тем и другим доводом касательно авторства известного японского романа.

Ключевые слова: Повесть о Гэндзи, эпоха Хэйан, Мурасаки Сикибу, буддизм, японские писательницы.

ABSTRACT

This article is about *The Tale of the Brilliant Prince Genji*, a novel written in the Heian era, one of the greatest works of Japanese classical literature. The authorship of the novel is attributed to Murasaki Shikibu, a lady at the court of Empress Shoshi. The Treatise “Nameless Notes” (Mumyozoshi) says: “The fact that Murasaki Shikibu created Genji seems to be an amazing thing, impossible in our world. None other than this miracle created by the Buddha in answer to her prayers. The problem of attribution to some extent exists for every monument of medieval Japanese literature, which explains the existence of assumptions that Murasaki Shikibu was not the author of Genji Monogatari. This article will give grounds for both arguments regarding the authorship of the famous Japanese novel.

Keywords: *The Tale of Genji*, epoch Jeyan, Murasaki Shikibu, Buddhism, Japanese Women Writers.

ANNOTATSIYA

Ushbu maqola yapon mumtoz adabiyotining eng buyuk asarlaridan biri bo'lgan Xeyan davrida yozilgan "Zo'r shahzoda Genji haqidagi ertak" romani haqida. Roman muallifligi imperator Shoshi saroyidagi Murasaki Shikibuga tegishli. "Ismsiz eslatmalar" (Mumyozoshi) risolasida shunday deyilgan: "Murasaki Shikibu Genjini yaratganligi bizning dunyomizda mumkin bo'lmagan hayratlanarli narsaga o'xshaydi. Buddaning ibodatlariga javoban yaratgan mo'jizasidan boshqa hech narsa yo'q. Atribut muammosi ma'lum darajada o'rta asrlar yapon adabiyotining har bir yodgorligi uchun mavjud bo'lib, bu Murasaki Shikibu Gendzi Monogatari muallifi emasligi haqidagi taxminlarning mavjudligini tushuntiradi. Ushbu maqola mashhur yapon romanining muallifligi haqidagi ikkala dalil uchun asos bo'ladi.

Kalit so'zlar: Gendzi haqidagi ertak, davr Xeyan, Murasaki Shikibu, buddizm, yapon ayol yozuvchilari.

Проблема авторства «Гэндзи-моногатари» обычно редко обсуждается в специальной литературе. На протяжении многих веков традиционно считается, что величайшее произведение японской классической литературы было написано дочерью Фудзивара Тамэтоки – представителя так называемой «северной» (младшей) ветви рода Фудзивара. В принципе проблема атрибуции в той или иной степени существует для каждого памятника

средневековой японской литературы. По-видимому, это обстоятельство послужило одним из оснований для предположений о том, что автором «Гэндзи-моногатари» была не Мурасаки Сикибу. Такое предположение выдвинул Кикумура Тосихико, который полагает, что «Повесть о Гэндзи» написал мужчина, и уверен «на сто процентов», что это был буддийский монах. Какова же аргументация этого в достаточной степени необычного для японского автора предположения?

«Что бы там ни говорили, – пишет Кикумура Тосихико, – женщины в те времена не могли читать и толковать сутры». Даже если на минуту согласиться с этим достаточно субъективным и голословным утверждением, то как быть с тем неоспоримым фактом, что хэйанский двор регулярно устраивал многодневные чтения буддийских сутр и толкования по ним многих выдающихся проповедников? Даже неграмотный человек, регулярно присутствуя на таких чтениях, был бы в состоянии уяснить важнейшие положения буддийской доктрины. А Мурасаки Сикибу была, судя по тем сведениям, которые до нас дошли, весьма образованна, знакома с китайской классической литературой и, безусловно, могла читать буддийские сутры и шастры. Далее Кикумура Тосихико отмечает, что в «Гэндзи-моногатари» приводится «невероятное количество цитат из буддийских сутр, не говоря уже о цитировании таких слов, как «Будда», «сутра», «шастра». По его мнению, «количество упоминаний буддийских обрядов и музыки достойно удивления». Кто же, с точки зрения Кикумуры Тосихико, мог написать известный роман? «Предполагаемым автором «Гэндзи-моногатари», – считает он, – был коллектив монахов из храма Исияма». На основании каких фактов делается такое предположение? «В «Повести о Гэндзи», – пишет он, – часто упоминаются цитаты из «Сутры Лотоса», не потому ли что в храме Исияма было много монахов, изучавших и толковавших «Лотосовую сутру».

Рассмотрим эти аргументы более подробно. Прежде всего, отметим, что вначале Кикумура Тосихико говорил только об одном буддийском монахе как предполагаемом авторе «Повести о Гэндзи». Но, поскольку далее необходимо идентифицировать личность этого монаха, а никаких объективных данных для этого, по-видимому, не существует, то выдвигается следующее допущение – о коллективном авторстве монахов Исияма, на основании хорошего знания ими «Лотосовой сутры», которая часто цитируется в «Гэндзи-моногатари».¹

Предположим, что Кикумура Тосихико прав. Тогда нам необходимо решить – принадлежит ли монахам храма Исияма также авторство «Мурасаки Сикибу касю» и «Мурасаки Сикибу никки», поскольку литературоведами давно доказано, что все эти произведения взаимосвязаны и написаны одним автором. Далее возникает вопрос – с какой целью монахи взялись за создание такого обширного и необычного для своего времени труда, отвлекаясь от своих прямых обязанностей, предписанных монастырским уставом? Можно ли предположить, что монахи стремились в такой форме распространить Учение Будды? На этот вопрос не может быть однозначного ответа, поскольку, например, Дзэами в своей пьесе «Гэндзи кюё» помещает Мурасаки Сикибу в ад за то, что она написала роман, полный вымысла. Проза во времена Мурасаки считалась чтением для женщин и детей. Писать прозу, тем более *вабуном*, т. е. на японском, а не на китайском языке считалось занятием, недостойным мужчины, тем более монаха. В высшей степени маловероятно, чтобы такая экстравагантная идея пришла в голову целому монастырю. Скорее всего монахи выбрали бы другую, более подходящую форму для проповеди и избрали бы другой сюжет.

Далее – нет никаких оснований считать, что именно монахи храма Исияма лучше других знали и толковали «Лотосовую сутру» – наиболее популярный буддийский текст того времени. Как показали исследования японских ученых (в частности, Мидзуми Ёити),

¹ Кикумура Тосихико. Сирарэдзару буккё (Неизвестный буддизм). Токио: Юйхися, 1998. С. 61. 319

Мурасаки Сикибу во многих случаях опиралась не на текст собственно «Лотосовой сутры», а на ее переложения².

Таким образом, очень трудно ответить на вопрос – с какой целью было создано такое произведение, как «Гэндзи-моноготари», – если считать, что его авторами были монахи монастыря-храма Исияма. Вместе с тем Дзюнъитиро Танидзаки уже ответил на этот вопрос в своем эссе «Понемногу о многом»: «Искони романы рассказывают читателям интересные истории. Роман «Гэндзи-моноготари» был написан потому, что к придворной даме, талантливой женщине, обратилась монашествующая императрица Дзётмонъин со следующей просьбой: «Не найдется ли у вас какой-нибудь интересной истории?» И в эпоху Шекспира, и во времена Тикамацу Мондзаэмона и Сайкаку, и при жизни Тамэнага Сюнсуй и Рютэй Танэхико все было так же». В этом случае ясна цель создания романа, ясно, кто автор, «заказчик», четко обозначены их взаимоотношения. Невозможно представить себе, чтобы монашествующая императрица обратилась с подобной просьбой к монахам. Теоретически допустимо предположить, что автором мог быть ушедший в монастырь аристократ, хорошо знающий жизнь двора. В этом случае должны были существовать какие-то сомнения и предположения, как это было с «Дневником путешествия из Госа» («Госа-но никки»), который написан от лица женщины, но традиция приписывает его мужчине, знаменитому поэту Ки-но Цураюки. Относительно авторства «Гэндзи-моноготари» ни у современников, ни у подавляющего большинства последующих исследователей никаких сомнений не было.

Имя Мурасаки Сикибу тесно связано не только с «Гэндзи-моноготари», «Дневником» и ее стихотворениями, но с целым направлением в японской литературе, зачинательницей и наиболее ярким представителем которого она является. Как отмечает В. Н. Горегляд, «в хэйанскую эпоху возникает и необычайно расцветает японоязычная литература, и главная заслуга в развитии этой литературы принадлежит женщинам аристократического круга. Имена Мурасаки-сикибу, Сэй Сёнагон и Идзуми Сикибу вошли в сокровищницу японской культуры. Они стоят в центре «литературы женского потока», и ни один писатель-мужчина даже не приближается к ним по громадности вклада в развитие японского литературного языка и повествовательной литературы. Мужчины того времени долго еще предпочитали писать по-китайски (если не считать стихотворений, которые сочинялись на обоих языках, и даже больше на японском)». О «женственном» характере хэйанской литературы говорит Ясунари Кавабата: «Мурасаки Сикибу, Сэй Сёнагон, Идзуми Сикибу, Акадзомэ Эмон и другие знаменитые поэтессы – все они были придворными дамами. Хэйанская культура была культурой двора. Отсюда ее женственность. Время «Гэндзи-моноготари» и «Макура-нососи» – время наивысшего расцвета этой культуры»³.

Вырвать имя Мурасаки Сикибу из «литературы женского потока» представляется делом невозможным, так как в этом случае пришлось бы пересматривать еще целый ряд памятников той эпохи и предположить существование намеренной литературной мистификации грандиозного масштаба.

Если сравнить «Гэндзи-моноготари» и «Дневник», то можно обнаружить целый ряд общих литературных приемов, указывающих на то, что эти произведения написаны одним автором. Причем этот автор идентифицируется по ряду как психологических, так и социальных качеств. Как отмечает Н. И. Конрад, «сама Мурасаки была, конечно, женщиной в подлинно хэйанском смысле этого слова: достаточно прочесть ее дневник, чтобы это понять». Вряд ли восклицание из XXV главы романа – «Да! Женщины рождаются на свет лишь для того, чтобы их обманывали мужчины!» – могло бы принадлежать мужчине. Не менее важна также реконструкция характеристик социального статуса автора «Гэндзи-моноготари». Как справедливо указывает А. М. Жанейра, «совершенно очевидно, что

² Мидзуми Ёити. Сборник «Новый курс «Гэндзи-моноготари» (Син «Гэндзи-моноготари хиккэй») / ред. Акияма Кэн (приложение к журналу «Коку бунгаку»). № 50. Токио: Гакутосё, 1997. С. 23–27.

³ Кавабата Ясунари. Тысячекрылый журавль. Снежная страна. Новеллы, рассказы, эссе. М., 1984. С. 396.

личность Мурасаки, насколько мы знаем ее из ее повести и из ее дневника, вполне соответствует ее социальному окружению»⁴.

Еще одним аргументом в пользу того, что автором «Гэндзи-моногатари» могла быть только женщина, придворная дама, служит то, что автор, описывая различных персонажей романа, занимающих самые разные ранги при дворе, вплоть до самых высших, делает это как бы извне, будучи сама никак не скована рамками официальной иерархии. Более того, как уже отмечалось, автор «Повести...» сознательно противопоставляет неофициальную историю официальной, человека вне статуса – чиновнику, всецело определяемому в этом мире происхождением, придворным рангом и т. д. Естественно предположить, что такая позиция была возможна только для стороннего наблюдателя, какой была придворная дама Мурасаки Сикибу. Т. П. Григорьева отмечает, что моногатари не следует рассматривать как способ преодоления заблуждений, как дидактические произведения, поскольку они не поучают добру, а подводят к добру через осуществление принципа «моно-но аварэ». «Судя по Гэндзи» и «Дневнику» Мурасаки, хороший человек – это такой человек, у которого красивая внешность, красивые манеры и красивые мысли. Эстетическое служило мерилom этического. Добро понимали как добро, правду и красоту – вместе.⁵

Суть взглядов Мурасаки на литературу заключается в этико-эстетическом проникновении в природу Добра». Как можно видеть, единственным аргументом, побуждающим Кикумуру Тосихико сомневаться в авторстве Мурасаки Сикибу, является хорошее знакомство автора романа с буддийскими текстами и обрядами.⁶ На наш взгляд, этому бесспорному факту можно дать и другое объяснение, а именно: буддизм в хэйанскую эпоху был распространен и имел влияние в значительно большей степени, чем это представлялось ранее. Поэтому в таком заведомо недидактическом произведении, которым, по мнению большинства современных исследователей, является «Гэндзи-моногатари», органично присутствует буддийское видение мира и содержатся скрытые (как правило) ссылки на буддийские источники.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА (REFERENCES)

1. Кикумура Тосихико. Сирарэдзару буккё (Неизвестный буддизм). Токио: Юйхися, 1998. С. 61. 319
2. Мидзуми Ёити. Сборник «Новый курс «Гэндзи-моногатари» (Син «Гэндзи-моногатари хиккэй») / ред. Акияма Кэн (приложение к журналу «Коку бунгаку»). № 50. Токио: Гакутося, 1997. С. 23–27.
3. Кавабата Ясунари. Тысячекрылый журавль. Снежная страна. Новеллы, рассказы, эссе. М., 1984. С. 396.
4. Конрад Н. И. Японская литература. М., 1974. С. 238. 322
5. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979. С. 242.
6. Akhmedova, Shakhlo Irgashbaevna THE ISSUE OF WOMEN'S PLACE IN THE FAMILY AND SOCIETY IN THE CREATION OF GULF ARAB COUNTRIES' LITERATURE // ORIENSS. 2022. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-issue-of-womens-place-in-the-family-and-society-in-the-creation-of-gulf-arab-countries-literature>.
7. Ахмедова, Ш. (2021). Новые художественно-методологические принципы сторителлинга в ОАЭ. *Востоковедения*, 1(1), 4–13. извлечено от <https://inlibrary.uz/index.php/oriental-studies/article/view/15813>

⁴ Конрад Н. И. Японская литература. М., 1974. С. 238. 322

⁵ Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979. С. 242.

⁶ Кикумура Тосихико. Сирарэдзару буккё (Неизвестный буддизм). Токио: Юйхися, 1998. С. 61. 319